

Сун Ицзэ вернулся не с пустыми руками: он принёс Нин Си миску горячей лапши в прозрачном бульоне.

Где только среди ночи ему удалось её раздобыть? Парень запыхался, со лба градом катился пот, а дыхание никак не могло войти в норму.

Однако, едва увидав Нин Си, он заставил себя взяться в руки: нестабильные, мечущиеся феромоны Альфы могли навредить только что сформировавшемуся Омеге.

Сун Ицзэ установил перед парнем переносной столик, поставил миску и тихо проговорил:

— Ешь, пока не остыла.

Нин Си молча кивнул, подцепил палочками немного лапши и отправил в рот.

Совершенно безвкусная.

Разговор заглох, так и не начавшись.

Сун Ицзэ до сих пор не понимал, где именно оступился, но висящая в палате удушающая, неловкая тишина буквально вытягивала из него жилы.

Чтобы хоть как-то растопить этот лёд, он с трудом выдавил из себя вопрос:

— Ну как? Вкусно?

Нин Си перекусил несколько струек лапши и честно ответил:

— Ерунда.

Сун Ицзэ молча смотрел, как Нин Си тихо жуёт, и мучительно размышлял, как бы получше объяснить недавнее недоразумение с матерью.

"А, к чёрту. Скажу прямо".

Глубоко вздохнув, он выложил:

— Насчёт моей мамы... Я в прошлый раз не смог нормально всё объяснить, вот она до сих пор и думает всякое.

Нин Си вскинул взгляд на собеседника.

Под этим взглядом Сун Ицзэ почувствовал внезапный укол вины и принялся торопливо подбирать слова:

— Ты... ты только не бери в голову. Она всегда такая.

Нин Си положил палочки на край миски и вздохнул:

— Послушай, мне просто не по себе оттого, что мы дурачим твою мать. Человек к нам со всей душой, а мы крутим ей мозги. Нехорошо как-то.

Он пару раз ткнул палочками размякшую лапшу и добавил:

— И вообще, я не принимаю всё это на свой счёт. Главное, чтобы ты сам лишний раз не парился.

— Я... — Сун Ицзэ хотел было заявить, что ему всё равно, но язык не повернулся.

Он смотрел, как Нин Си обиженно поджимает губы и уныло гоняет по миске лапшу; как из широкого ворота больничной пижамы выпирают острые, фарфорово-белые ключицы; как от всего его тонкого тела до сих пор веет едва сдерживаемым ароматом мятного белого чая.

Сун Ицзэ медленно опустил голову.

"Да как тут, к дьяволу, не париться?! Этот Омега вообще соображает, что делает? Ни капли предусмотрительности!"

— Всё, больше не влезает, — Нин Си отодвинул от себя посуду.

Сун Ицзэ тут же молча убрал миску, сложил раскладной столик и тихо произнёс:

— Отдыхай. Постарайся уснуть.

Нин Си и правда едва держался на ногах. Организм, только что переживший вторичную дифференциацию, судорожно перестраивался: тело налилось тяжестью, мышцы ослабли, а в голове царила невесомая, ватная лёгкость.

Сун Ицзэ подошёл к выключателю и погасил свет.

Бархатная тьма накрыла палату, увлекая Нин Си в глубокий сон. И сквозь этот затягивающий омут пробился низкий, сдержанный голос парня:

— Спокойной ночи.

Убедившись, что дыхание Нин Си стало ровным и глубоким, Сун Ицзэ бесшумно выскользнул в коридор. Сверившись с часами, он достал телефон и набрал номер.

— Алло, брат Хо, — Сун Ицзэ сунул свободную руку в карман. — Ты в участке?

— О, Ицзэ! — отозвался полицейский. — На месте, сегодня моя смена до самого утра. Что случилось?

— Хотел попросить об одной услуге. Сможешь поднять записи с камер у юго-западного выезда из жилого комплекса Синьсин? Примерно за два тридцать дня.

— Синьсин... — офицер Хо мгновенно всё понял. — Опять эти мелкие ублюдки распоясались? Не переживай, Ицзэ. Мы их выловим и проведём воспитательную работу как следует.

— Спасибо, брат Хо.

Сбросив вызов, Сун Ицзэ тихо вернулся в палату и присел на кушетку для сопровождающих. Взгляд его прикипел к спавшему неподалёку Омеге. В ушах всё ещё звучало брошенное им с лёгкостью: "Главное, чтобы ты сам не парился".

Сун Ицзэ хмуро отвёл взгляд и отвернулся к стене.

На следующее утро, едва открыв глаза, Нин Си обнаружил Сун Ицзэ на том же месте — тот сосредоточенно листал учебник.

— Утро, — пробормотал Нин Си, протирая заспанные глаза.

— С добрым утром, — Сун Ицзэ моментально захлопнул книгу. — Проголодался? Сейчас достану завтрак.

С этими словами он вытащил из-под стола объёмистый термос для еды.

Установив перед больным раскладной столик, Альфа достал контейнеры один за другим:

— Подумал, что больничная стряпня тебе не понравится. Поешь пока это.

Нин Си опустил взгляд на угощение: яичные лепёшки и простая рисовая каша. Всё выглядело подчёркнуто диетическим и совсем не походило на покупную еду из ближайшей закуской.

— Сяо Нин, доброе утро! — В палату непредвиденно порхнула Юй Цзинъюэ, обвешанная пакетами и свёртками. — Как спалось?

Сегодня на ней не было привычного белого халата: изящное платье, аккуратный макияж и каблук. Она совершенно не походила на мать семнадцатилетнего лба.

"До чего же молода..." — про себя изумился Нин Си.

Юй Цзинъюэ подошла к кровати, сгрузила вещи на тумбочку и, присмотревшись к термосу на столике, с удивлением проговорила:

— Надо же, наш домашний термос... Откуда он здесь?..

Сун Ицзэ предупреждающе откашлялся.

Юй Цзинъюэ мгновенно всё сообразила. Присев на край постели, она с улыбкой переиграла:

— Вообще-то мама сама везла тебе завтрак, но раз уж Ицзэ встал пораньше и приготовил всё сам — ешь его стряпню.

Нин Си аж перекошило от неожиданности. Он вытращил глаза на лепёшки.

"Мать твоя святая... Это что, Сун Ицзэ сам приготовил?!"

Сун Ицзэ, посчитав откровения матери лишними, недовольно буркнул:

— Мам, ты зачем пришла?

— У меня сегодня выходной, — отмахнулась Юй Цзинъюэ.

— Вот и отдыхала бы дома.

— Успею ещё! — Она повернулась к Нин Си и тепло улыбнулась: — Я ведь просто пришла проведать моего Сяо Нина~

— Спасибо... — Готовое сорваться с языка "тётушка" застряло у Нин Си в горле. Он вовремя сообразил: если ляпнет такое сейчас — всё пропало.

— Послушай, Сяо Нин, я пришла не только навестить тебя, — выражение лица Юй Цзиньюэ мгновенно стало серьёзным и профессиональным. — Результаты анализов показывают, что твой омега-гормональный фон крайне нестабилен. Вторичная дифференциация завершилась, но феромоны всё ещё штормит. Из-за этого ты можешь время от времени чувствовать приступы боли. Мы полагаем, что на процесс повлиял сильный внешний стресс, вызвавший временный сбой. — Она развернула бланк с графиками. — Вот, взгляни: эти показатели намного ниже нормы.

Нин Си с пониманием кивнул. Ещё бы им не быть ниже нормы — он ведь отродясь никаким Омегой не был, откуда тут взяться нормальным гормонам?

— Ах да, чуть не забыла! — Юй Цзиньюэ выудила ещё одну бумажку и за руку притянула хмурого сына ближе. — Я заодно прогнала ваши образцы на совместимость...

Она победоносно потрясла бланком перед их носами:

— Вы только гляньте! Ваша совместимость по феромонам — девяносто восемь процентов! Я знала, что вы идеальная пара, но девяносто восемь... Боже мой, это же настоящая судьба!

Нин Си: «...»

Сун Ицзэ: «...»

— Так что если почувствуешь недомогание — сразу иди к Ицзэ, — Юй Цзиньюэ ласково сжала ладонь Нин Си. — Подержи его за руку, пообнимайся... Его феромоны моментально снимут боль.

Поддержать за руку?..

Стоп.

Это же... Неужели это безупречный, абсолютно легальный повод для физического контакта?!

Глаза Нин Си вспыхнули. На секунду ему показалось, что жизнь окончательно удалась и он стоит на вершине мира.

Но тут его взгляд наткнулся на Сун Ицзэ — тот сдвинул брови так, будто проглотил лимон.

Нин Си моментально перестроился. Он печально опустил голову, тяжело вздохнул и пробормотал с самым несчастным видом:

— Но Ицзэ мне даже притронуться к себе не разрешает...

Сун Ицзэ: «?»

Нин Си выглядел до того хрупким и беззащитным — чистые, ясные глаза подёрнуты дымкой, голос тихий, едва слышный:

— Наверное, лучше не надо... Зачем я буду его обременять? В конце концов, простую боль я и сам как-нибудь перетерплю, не сахарный...

Юй Цзиньюэ медленно повернула голову к сыну. Её взгляд в мгновение ока превратился в ледяной клинок, способный пронзить насквозь.

Сун Ицзэ: «...»

— Сун Ицзэ, — зловеще прочеканила Юй Цзиньюэ. — Ты забил на мои слова?

Сун Ицзэ даже возразить не решился.

Развернувшись к Нин Си, она вновь расцвела в наипокойшей улыбке:

— Не бойся, Сяо Нин. Если этот упрямец начнёт выкаблучиваться — сразу жалуйся мне. Мама быстро приведёт его в чувство.

— Спасибо! — Нин Си просиял самой искренней и светлой улыбкой.

Глядя на этот дуэт, Сун Ицзэ почувствовал себя абсолютно лишним.

А Нин Си так непринуждённо трепался с Юй Цзиньюэ, будто и впрямь признал в ней родную мать.

Сун Ицзэ опешил.

Нин Си вечно крутится рядом. Постоянно ищет поводы для встреч и касаний. Совершенно не против сплетен об их "отношениях". А теперь он ещё и Омега...

Альфа взглянул на заливающегося смехом Нин Си: алые уголки глаз, трогательный, послушный вид, завораживающая искренность...

Сун Ицзэ неосознанно коснулся мочки собственного уха.

"Он... он что, и правда в меня влюблён?"

<http://bllate.org/book/20373/2213754>